

УДК 1/14

Д.В. Воробьёв

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС И ЭТИМОЛОГИЯ ПОНЯТИЯ НИЧТО В ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ

Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева

Предметом настоящей статьи является онтологический и этимологический анализ категории «ничто». Автор, апеллирующий в своих рассуждениях к широкому диапазону научных, исторических, литературных источников, развивает свою мысль в не вполне традиционной для научной статьи манере изложения, которая, тем не менее, позволяет выявить ряд аспектов, остающихся за гранью осмысления в классическом философском анализе. Целью автора является раскрытие «ничто» не столько через ментальные конструкции, сколько через «многоговорящее слово».

Ключевые слова: ничто, бытие, небытие, сущее, существование, реальность, онтология, этимология.

Образование слова «ничто» в английском и русском осуществляется аналогично. В русском «ничто» - означает буквально «ни что», «ни что-то». «Ничего» – «ни чего», отрицание нечего, чего-то. В английском nothing – no-thing. Ни вещь, ни предмет. То есть, путем добавления к «что-то», нечего, предмету логического отрицания ни (не). Заметьте, не к существованию, но именно к «что-то», к нечему, к предмету [1, с. 23].

Как известно еще со времен Аристотеля, понятие «бытие» выступает в двух смыслах. В смысле *существования* и в смысле – *сущего, существующего*. Того, что вообще существует. Всего того, что наделено признаком существования и, таким образом, относящегося к области существования. Соответственно, если идти от противоположного, то понятие «небытие» выступает также в двух смыслах. В смысле – *не-сущего, несуществующего*, того, что не может быть существующим или на данный, конкретный момент не является им. И в смысле – отсутствия существования, то есть *ничто* – несуществования. Ничто – есть, другими словами, отсутствие «что-то», чего-то. Равно как этого «что-то», его самого, так и отсутствие его существования (что, собственно, суть то же самое).

При этом «ничто» – выступает опять же в двух смыслах. Обозначает, с одной стороны, отсутствие этого «что-то», чего-то конкретного (того, что, к примеру, не может существовать на данный конкретный момент или не существует вообще). А с другой стороны, – отсутствие всяких предметов; всего, чего бы то ни было. К примеру, всей совокупности данного (или какого-то) класса предметов. В этом смысле «ничто» совпадает (по смыслу) с понятием «ничего».

«Ничего», таким образом, обозначает отсутствие (или отсутствие существования) всей совокупности данного (то есть, опять же какого-то) класса предметов или отсутствие всей совокупности всякого класса предметов-вещей, наделенных каким-либо видом существования. Оно есть «ничто» в своей крайности, то есть крайняя степень «ничто». «Ничто», если можно сказать так, в его устремлении к полной абстракции (от всего, что наделено каким-либо существованием), к пустому отсутствию, к отсутствию всякого сущего (ныне, в прошедшем и будущем).

Итак, под идеей *ничто* нам следует полагать неналичие (несуществование, отсутствие существования):

- чего-то конкретного, какого-то единичного «что-то»;
- целого класса предметов-вещей;
- чего-либо вообще; всякого вида (класса) предметов, наделенных возможностью быть, то есть стать существующим (обладать каким-либо видом существования).

Прежде чем далее говорить о «ничто», задумаемся над особенностями не столько даже употребления, сколько над особенностями происхождения этого слова. Итак, откуда берется ничто?

Понятно, что философский анализ уместен здесь меньше всего (нет, он, конечно, уместен, но не здесь, не сейчас: не на этом этапе рассуждений, когда речь идет именно о происхождении слов). Поскольку с необходимостью предполагает ссылки на разного рода философов и разного рода системы, которые эти философы и представляют. Но чем, позвольте спросить, занимается настоящий философ? Он либо пользуется, что называется, наработанным материалом, основанным зачастую на домыслах и неправильных истолкованиях прошлых систем, либо сам создает свое содержание-смысл, удобный только ему, позволяющий «разместить» это слово-понятие в системе собственной философии. Но и в том и в другом варианте, он меньше всего озабочен этимологией этого слова. Словом, анализ здесь нужен не философский, но именно лингвистический, этимологический.

Но что означает «этимология»? И что понимать здесь под словом «анализ»? Что означает «этимология», в частности, этого единичного слова? То есть, какого-то слова. Конкретного слова. Понятно, что под анализом мы понимаем дедукцию. Переход от общего к частному. Разбиение общего на ряд составляющих. Этимология происходит от двух древнегреческих слов *ετιμος* – истина и *λόγος* – логос, слово (*λογια* – наука, учение). Таким образом, можно сказать, что этимология – это наука (раздел лингвистики, языкознания), изучающая происхождение слов. «Этимологией» называют также само происхождение слова. «Предложить новую этимологию» – соответственно, означает «предложить версию происхождения».

Осуществить этимологический анализ – означает, следовательно, свернуть речевую многосмысленность этого слова, избавив от разного рода ошибок: неточностей, домыслов, неправильных истолкований, накопленных со времени его возникновения. Опять же от разного рода фантазий философов, каждый из которых стремится наделить его своим собственным смыслом, удобным только ему. Прийти к изначальному смыслу, откинув при этом все остальные. Прийти к началу, к первопонятию этого слова, к началу-понятию, ниоткуда уже не выводимому и никем не определяемому. Словом, слово должно сказать само за себя.

Итак, осуществить этимологический анализ – означает свернуть речевую многосмысленность слова в один изначальный смысл, в одно самоговорящее слово. Понятно, что мы не обойдемся одним лишь анализом слова «ничто». Анализ этого слова повлечет за собою анализ происхождения «небытия», связанного с ним по смыслу (но никак не происхождению). «Небытия» – «бытия» (поскольку как понятие оно является его логическим отрицанием), которое связано с «существованием» и с «сущим».

С самого первого взгляда, немецкое *nichts* никоим образом не может быть связано с тем, что по-немецки обозначает предмет или вещь. Налицо, таким образом, отступление от ранее рассмотренной схемы. Но это лишь с первого взгляда. В немецком *nichts* прячется готское слово *waihts*, связанное по смыслу (но никак не происхождению) с немецкими *etwas* (что-то, нечто) и *ding* – (вещь, предмет), к которому добавляется *ni* – отрицание [2, 272]. Таким образом, налицо все то же самое отрицание. Отрицание «что-то», нечто. Ни что-то. Ничто. Немецкое *ding* (вещь, предмет), в свою очередь, происходит от старогерманского *thing* (тинг), связанного по смыслу с английским *thing* (вещь, предмет) [3, 90]. Но вот, что действительно представляет собой отступление от рассмотренной схемы, так это латинское слово *nihil*. Латинское *nihil*, происхождение которого неизвестно и по сегодняшний день, толковалось древними римлянами как *ne-nilum*: «ни пуха, ни пера», «ни пылинки и ни соринки», ничего; никакого даже самого малого нечто, предмета.

Очевидно, что существующий или сущий (кр. форма нашего существующий) каким-то образом связаны с «есть». Ведь существующий – это тот, что каким-либо образом «есть», существует. Однако каким? Можно, к примеру, сказать, что оно связано только по смыслу и

только. На этом все и заканчивается. Что же касается происхождения, то вероятность такой связи скорее стремится к нулю. Да и есть ли она, эта связь? А вот все-таки есть. Славянский корень *сущ-* происходит от *суть*. Русское «суть» (мн. форма нашего «есть»), происходит от старославянского «соть», связанного с латинским *sonticus*, с готским *sunja*, с древнеиндийским *sant*, означающими примерно одно и то же: истинный, сущий, лежащий в основе. Кстати сказать, одно из значений русского *суть* – это то, что лежит в основании. Суть анекдота, рассказа. То, что есть самое главное. Суть изложения.

Сущее, нечто, вещь и предмет – если и связаны между собою, то только по смыслу. Тогда как *вещь* и *объект* – не только по смыслу. Происхождение слова «объект» ведет нас к латинскому *objectum* – «вещь (брошенная навстречу, выставленная вперед, напоказ)». *Ob + jicere* = «навстречу» + «бросать». Соответственно, «объективная реальность» – уже не реальность вещей-в-себе, которая не познается ни чувством, ни разумом. А реальность, выставленная перед нами, перед нашим взором. Наблюдаемая реальность. Реальность, которая служит предметом нашего постижения. Предметом познания. Или, вернее сказать, состоящая из познаваемых нами предметов.

В форме чего существует ничто? Мы говорим, что ничто – есть простое отсутствие. Но что в таком случае понимать под «отсутствием»? Существует оно или нет? Разумеется – «да», существует. Но, если «да», существует, то в виде опять же чего? Существует лишь в форме ментальной конструкции, а не в форме, к примеру, предмета действительности? Или в форме чего-то еще? И если ничто существует лишь в виде ментальной конструкции, то какова его роль среди прочих ментальных конструкций? В мире умственных построений, которые подменяют собою действительность?

Итак, речь с преимуществом будет в дальнейшем идти о «*ничто*». О том самом *ничто*, которое, наряду с остальными конструктами, подменяет собою действительность, но в отличие от остальных, то есть прочих ментальных конструктов, не имеет того, что мы чаще всего называем «предметом его соответствия» или «предметом его приложения». Или реже – аналогом. То есть, каким бы то ни было эквивалентом-аналогом среди «внешних» явлений-предметов, реалий той самой действительности, которую это *ничто* подменяет собой наряду с остальными конструктами. И в этом смысле является голым конструктом. То есть, конструктом в его, так сказать, чистоте, лишенным того, что мы чаще всего называем «предметом его соответствия», существующим в виде, и только лишь в виде, ментальной конструкции.

В свою очередь, это уже объясняется тем, что *ничто* как ментальный конструкт не является результатом обычной «подгонки» сегодняшних и, каких бы то ни было, представлений о мире вообще, а является следствием более сложных процессов. Именно их мы и будем рассматривать несколько позже. Но какая здесь связь между тем, что *ничто* как конструкт не является результатом «подгонки» и тем, что ничто как конструкт не имеет аналогов? Все дело в том, что предмет, под который мы подгоняем свои представления, чаще всего и является этим аналогом, словом, тем самым предметом той самой конструкции, которая и являет собой результат этой самой «подгонки». То есть, является результатом подогнанных или, даже точнее, «урезанных» представлений о мире. Тем, во что они превращаются в ходе такой операции.

Итак, если мы говорим об уже изначальном отсутствии всяких предметов «подгонки» – можно ли нам говорить о каких-то дальнейших аналогах? Очевидно, что – «нет». Именно в силу того, что *ничто* как конструкт не является результатом «подгонки» и, таким образом, в силу отсутствия (изначального неналичия – неприсутствия – несуществования) предмета «подгонки» – мы обладаем в конечном итоге отсутствием всяких аналогов, то есть, предметов – а речь, я напомним, идет о *ничто* как конструкте – его приложения.

Таким образом, можно сказать, что:

- во-первых, ничто как ментальный конструкт – наряду с остальными конструктами – подменяет собою действительность;
- во-вторых, как ментальный конструкт, оно не является результатом «подгонки» теперешних или, скажем, каких бы то ни было представлений о мире вообще, а является результатом иного процесса;
- именно в силу последнего, в-третьих, ничто как ментальный конструкт – не имеет аналога, то есть, не обладает «предметом его приложения» (среди «внешних» реалий: предметов-явлений той самой действительности, которую это *ничто* подменяет собой наряду с остальными конструктами).

Итак, вправе ли мы утверждать, что *ничто* есть всего лишь ментальный конструкт? Если так, то каков механизм появления этой конструкции? И если мы говорим, что *ничто* как конструкт не является результатом обычной подгонки, а является результатом иного процесса – в чем же тогда заключается этот процесс?

Можно ли будет дать четкий ответ? Очевидно, что – «да». Но для этого нужно дать четкий ответ на другие вопросы. Что есть, к примеру, Единое? Или, к примеру, Единое Сущее? Что есть Единица (как всеобъемлющая реальность)? И как можно творить из ничто? Ведь ничто – это то, чего нет?

Делая экскурс в историю, можно сказать, что *ничто* как идея есть очевидный ровесник идеям пространства и времени. И, что если речь идет о европейской традиции – а, вернее сказать, древнегреческой – то *ничто* как идея в достаточно четком, оформленном виде присутствует у элеатов (бытие (сущее) – есть, а не-сущего (ничто) – нет), у атомистов, в учении Гераклита Эфесского, у Платона и неоплатоников (равно как христианских, так и до-христианских, языческих неоплатоников). И что своего, если можно сказать так, развития и становления (в том самом виде, в котором оно существует сейчас) – достигает в учении христиан (а, точнее, в иудео-христианской традиции), в той его части, где речь идет о творении из ничего. [4, 479]. О творении в полной своей, так сказать, чистоте. «Сотворять» или просто «творить», то есть «творить» вне своего отношения с тем «из чего», – здесь означает «творить в чистом виде», в подлинном смысле этого слова. И эта его чистота состоит в сотворении нового. Новое – это не есть измененное старое, не имевшее ранее форм и лишь затем сформированное. Оно не пребывает в каком-то ином, к примеру, опять же в бесформенном виде в каком-то уже существующем ранее «где-то», откуда Он, Бог-Творец, «извлекает» его. Его попросту нет. Оно не существует нигде и ни в каком виде.

Прямой, так сказать, внеположностью этой позиции – служит позиция неоплатоников разного толка, в том числе и христианских. Согласно последним, всякое тварное сущее до своего сотворения не «не существует нигде», а именно «где-то уже существует». И это «где-то» есть Сам Бог-Творец. Мир сотворяется Богом-Творцом из Себя Самого. Сотворение мира здесь непосредственно связано с изливанием Бога (из Самого Себя). Мир проистекает из Бога, изливаясь из Божественной полноты, подобно солнечному свету. Бог творит тварный мир из Себя Самого, «распадаясь» при этом на множество тварных существ, уже содержащихся в Нем в состоянии тождества: в неразличном, бесформенном виде.

Когда одного из известнейших ныне фантастов спросили: как он относится к летающим тарелкам? Он ответил: никак. И тут же добавил, что скорее относит их к области современной мифологии, потому что лет триста назад это было б, к примеру, явлением сатаны, и, кстати сказать, не известно, чем это будет лет этак, скажем, через четыреста или пятьсот.

Но позвольте, – спросили его, – ведь все ваши книги буквально пронизаны верою в то, что такое возможно. Идеи космических перелетов, освоения новых пространств: галактик, планет – они же буквально присутствуют в каждом из ваших романов? Кроме того – существует множество очевидцев, так сказать, напрямую столкнувшихся с этим явлением.

Да, разумеется, часть из них и, наверное, большая часть, просто больные, психически нездоровые люди. Часть – скучающие бездельники, которым попросту нечем заняться. Иные же – просто мошенники. Часть – абсолютно нормальные, то есть честные и правдивые, но выдают желаемое за действительное и в этом собственном устремлении совершают отнюдь не хорошие вещи, вводя, таким образом, в замешательство, равно как и себя, так и тех бедолаг, что имеют несчастье их окружать. Однако не все же такие плохие, и не все же так плохо. Есть среди них и хорошие люди. Отрицать, одним словом, подобного рода явления – не сказать, конечно, что просто безумие, однако же, все равно, что... ну скажем, как отрицать очевидные вещи... Что трава, например, есть зеленая, а лошадь или свинья, если, конечно, эта свинья не калека, имеет четыре ноги. То есть глупо, неправильно и, в общем-то, просто нехорошо. Словом, такие дела...

Упаси вас Господь, – ответил фантаст, – я никоим образом не отрицаю это явление. То, с чем столкнулся ваш очевидец или, точнее сказать, то, с чем он должен столкнуться – есть, безусловно, явление. Или, я бы сказал, есть всего лишь явление. Или, как говорят сейчас, «голый факт». Однако не более. Дело, однако, не столько в наличии или отсутствии, существовании или несуществовании явления, сколько в том, что любое, включая и это, – само по себе ничего абсолютно не значит. Как это? – спросите вы. Охотно отвечу. Любое явление приобретает для человека какую-то значимость (или, лучше сказать, обретает осмысленность, содержательность) лишь в сочетании с тем содержанием, или, другими словами, с той самой умственной составляющей, которую он, человек, в него вкладывает. Представьте, к примеру, на миг себя в роли такого очевидца. Вы наблюдаете и говорите, к примеру: «летающая тарелка», но тем самым вы уже вкладываете в это явление некое собственное содержание (собственную умственную или, вернее сказать, виртуальную составляющую), а именно: космический, инопланетный корабль – словом, то самое содержание, которое соответствует теперешнему вашему или, точнее будет сказать, теперешнему нашему представлению об окружающем мире.

Словом, лет этак триста назад – было иное, принципиально отличное от нашего, теперешнего, понимание мира. И в соответствии с этим иным представлением мира он вкладывал в *это* иное свое содержание или, как модно сейчас говорить, иную свою составляющую. И это было, к примеру, явлением сатаны или, напротив, признаком божественного проявления.

Проведем опять-таки мыслимый эксперимент. Представим на время, насколько хватит вашей фантазии, мир раннего средневековья. Эпоха жестокости, немилосердия, мир мракобесия, низости в самых, что ни на есть наихудших своих проявлениях. А теперь попытайтесь ответить: какое такое свое содержание будете вкладывать вы, житель, к примеру, одиннадцатого-двенадцатого веков, сторонник системы Клавдия Птолемея с ее эпициклами и деферентами? Словом, той самой системы, согласно которой земля находилась по центру вселенной, была неподвижной и окруженной непроницаемой сферой? Системы, сводящей на нет идеи космических перелетов и освоения звездных систем? Ответили, нет?... Да, да – той самой системы, в свете которой идеи космических путешествий и освоения звездных галактик – были б не просто абсурдными, не просто дурацкими или там идиотскими, однако же, попросту никогда б не возникли.

Сталкиваясь, таким образом, с неким явлением (с явлением, как ему кажется, летающей тарелки) человек сталкивается не столько с ним, сколько с собственной умственной составляющей, которую он, человек, в него вкладывает. Выступая, другими словами, в роли такого очевидца – человек «соприкасается» не столько с явлением, сколько с собственным умственным построением. А именно: с умственным построением этой тарелки...

Итак, говоря, например: «летающая тарелка», вы уже вкладываете в это явление некое собственное содержание, словом, ту самую умственную составляющую-построение, которое соответствует или входит, другими словами, в систему тех самых умственных составляю-

щих-построений, которые формируют или, лучше сказать, представляют в своем сочетании систему сегодняшних представлений об окружающем мире.

Но из этого следует обыкновенно понятная и довольно разумная мысль, согласно которой мы пребываем не столько в мире реальной действительности, сколько в мире собственных умственных построений, подменяющих или, скорее, уже подменивших собою действительность. Таким образом, можно сказать, что мир умственных построений есть, в своем роде, преграда, барьер, отделяющий нас от реальной действительности, подменяющий и выдающий себя за действительность. Лично мне это видится частью огромной китайской стены, (за которой не видно уже ничего), отделяющей нас от реального внешнего мира и как бы тем самым уже отвергающей факт его существования. Оставаясь, другими словами, один на один с миром собственных умственных построений, человек полагает, что именно это и есть тот действительный, подлинный мир, где он, человек, существует с самого, что ни на есть, начала-рождения.

Здесь возникает резонный вопрос. Почему, говоря о реальности умственных составляющих, мы ставим знак равенства между умственным построением и умственной составляющей? (И что есть умственная составляющая вообще?) Заметьте, что речь здесь идет лишь о равенстве, но не о тождестве этих моментов. В самом деле, любая из умственных составляющих есть, прежде всего, построение ума. Или, как модно сейчас говорить, есть ментальный конструкт. Далее должно сказать, на наш взгляд, о самом механизме подмены и, в каком-то аспекте, раскрыть вместе с тем механизм самого постижения. Дело в том, что процесс самого постижения означает, в какой-то мере, «подгонку» сегодняшних представлений под этот конкретный предмет постижения. Постигая, другими словами, какой-то предмет или явление – мы тем самым уже «подгоняем» его под собственные представления о мире и, таким уже образом, вкладываем в него некую умственную составляющую. Словом, такую, которая соответствует или, как было указано ранее, должна соответствовать нашим, опять же теперешним представлениям (то есть, другими словами, является элементом системы осмысленных в том смысле, что умственных представлений об окружающем мире). Таким образом, можно сказать, что сначала она существует в своем сочетании с этим («постигнутым» нами) явлением, а затем наступает процесс «отчуждения». Этот процесс состоит в «отчуждении» умственной составляющей, в том, что она «отчуждается», «отпадает» или, вернее сказать, «отделяется» от явления, приобретает статус независимого конструкта и как бы тем самым уже подменяет собою явление.

Все это уже объясняет тот факт, что мы ставим знак равенства между ментальным конструктом (умственным построением) и умственной составляющей (всяких явлений). Мы ставим знак равенства в том самом смысле, что ментальный конструкт – это то, чем в конечном итоге становится или то, во что обращается умственная составляющая. В свою очередь, умственная составляющая – это то, чем является всякий ментальный конструкт на самом первом этапе его становления. Мы не говорим здесь о тождестве на том самом простом основании, что оба эти момента – не суть то же самое.

Но вернемся, опять же, к вопросу об умственных составляющих (то есть, к вопросу о том, что есть умственная составляющая вообще). Так, ранее мы говорили, что умственная составляющая любого явления – это есть, прежде всего, содержание, которое мы подгоняем под данный конкретный предмет, и вместе с тем соответствует нашему пониманию мира. Впрочем, здесь нам, я думаю, должно скорей обратиться к каким-то конкретным примерам. Словом, полное понимание этих составляющих требует большего, не какого-то общего определения, но, очевидно, чего-то еще, каких-то особых, конкретных примеров. И хотя мы говорили уже об одной из таких составляющих (речь идет о летающей тарелке как о космическом, инопланетном аппарате) – очевидно, что этого будет еще недостаточно.

Здесь нам на помощь приходят примеры из школьного курса по физике. Так, мы говорим, например: «электрический ток есть упорядоченное движение электронов». Или, что «атомы состоят из ядра, электронов, а ядро – состоит из протонов, нейтронов». Или, что «звук – это есть звуковая волна, воздействующая на барабанную перепонку нашего уха. А свет, в свою очередь, есть «световая волна, оказывающая механическое воздействие на сетчатку нашего глаза»... Словом, все то, что мы называли недавно «явлением» или предметами внешнего мира, в реальности – суть лишь конструкты сознания. Суть лишь примеры таких составляющих. Суть содержания прошлых веков, что являют собой результат измененных, урезанных и тем самым подогнанных представлений о мире. Представлений под какой-то конкретный предмет постижения (в случае, к примеру, с атомом – это есть вспышка на экране электронного микроскопа).

Таким образом, можно опять же еще раз сказать, что мы существуем не столько в мире реальной действительности, сколько в мире ментальных конструктов, то есть собственных умственных построений, подменяющих или, скорее, уже подменивших собою действительность. Оставаясь опять же один на один с миром собственных умственных построений, человек полагает, что именно это и есть та действительно подлинная реальность, что окружает его постоянно, всегда, с самого начала-рождения. Что электрический ток, например, существует как упорядоченное движение электронов, а атомы состоят из протонов, нейтронов... И очень редко кто задается вопросом, полагая, что современная модель атома – есть всего лишь модель, и что там на самом-то деле, в реальности?.. Бог его знает.

Впрочем, здесь возникает опять же резонный вопрос: если то, что указано выше – всего лишь конструкт, то почему он не может быть адекватен реалиям нашей действительности? Если он, этот самый конструкт - есть не просто удобный конструкт или, будет опять же вернее сказать, не только удобен, но и применяем «на практике», разве это не повод сказать об его адекватности?

Следует сразу сказать, что подобного рода вопрос возникает тогда, когда во главу всех своих рассуждений ставят принцип, основанный на смешении двух очень важных начал: результативности и адекватности, когда одно подменяют другим или ставят знак тождества. То есть следуют, на наш взгляд, из неверного утверждения, что чем более он, этот конструкт, применим «практически», тем более он адекватен реалиям нашей действительности. То есть, тем более он отражает реальные отношения между предметами внешнего мира (реальное положение вещей), либо имеет конкретный предмет своего приложения (среди этих же внешних предметов-явлений). Разумеется, это не значит, что мы отрицаем наличие всяческой связи между одним и другим. Это значит, что мы отрицаем наличие четкой, прямолинейной зависимости и говорим о наличии более сложного механизма.

Этот механизм представляется чем-то действительно сложным и требует явного рассмотрения в подробностях или деталях.

И последнее. Хочется высказать несколько слов о самом механизме подмены «реальностей». О последнем, как было указано ранее, мы можем сказать, что такой механизм тесным образом связан с «подгонкой» сегодняшних представлений (о мире) под какой-то, к примеру, конкретный предмет постижения, то есть, связан с процессами постижения нами действительности. Понимание этих процессов и, вместе с тем, самого механизма «подгонки» представляется делом весьма непростым и потребует даже не столько каких-то особых усилий ума, сколько всякого рода примеров «из жизни». Речь идет о примерах, касательных «новых открытий», известных из школьного курса по физике. Например, электрический ток Фарадея. Или явление электромагнитной индукции. Или явление электромагнитной волны.

Итак: Бог творит тварный мир из *ничто* и Бог творит тварный мир из Себя Самого. Таковы эти два несводимых посыла. Второе не есть результат или следствие первого, то, во что обращается первое в ходе своих изменений. Если идея творения мира Творцом из Себя

Самого и идея творения из *ничего* – выступают как два независимых и несводимых друг с другом начала, то возникает разумный вопрос: каков смысл в рассмотрении первой идеи? Ведь для нас представляется значимой только вторая. Именно эта, вторая идея, и предполагает собою идею *ничто* в его онтологическом значении.

Библиографический список

1. An English-Reader's Dictionary by A.S.Hornby Oxford University Press. – London, 1952. – P. 23.
2. Wackernagel Jacob. Vorlesungen uber Syntax. II. Reihe, 2 – Aufl, 1928. – P. 272.
3. Longman Dictionary of Scientific Usage Longman Group Limited. – Harlow, 1987. – P. 90.
4. Лосский, В.Н. Догматическое богословие // Боговидение. – М., 2003. – С. 479.

Дата поступления
в редакцию 17.10.2011

D.V. Vorobjev

ONTOLOGICAL STATUS AND ETYMOLOGY OF «NOTHING» CATEGORY WITHIN PHILOSOPHICAL TRADITION

The article reveals with the ontological and etymological analysis of «nothing» category. The author unites and classifies a wide diapason of points of view, scientific, historical, literature sources. The article composition and style are not traditional for scientific publications; nevertheless, it opens the way for new horizons of discovering the describing category. The purpose of the article is the analysis of «nothing» category not by means of mental constructions, but through the «multi-saying word».

Key words: nothing, genesis, nothingness, things, existence, reality, ontology, etymology.